

ПОЭТИКА ДИЛОГИИ В. С. СОЛОВЬЕВА

В поэтическом наследии В. С. Соловьева наличествует семь текстов, прямо адресуемых читателя к личности и творчеству Фета: «А. А. Фету, 19 октября 1884 г.» (октябрь 1884), «На А. А. Фета» (конец февраля 1889), «Памяти А. А. Фета» (16 января 1897), «А. А. Фету» (Посвящение книги о русских поэтах) (июль 1897), «Песня моря» (апрель 1898), «Белые колокольчики» (15 августа 1899), «Вновь белые колокольчики» (8 июля 1900) [Соловьев 1974: 72-73, 115, 116-117, 123, 135, 137, 148-149]. Столь частое появление имени Фета в заглавиях и эпиграфах стихотворений, относящихся к позднему периоду творчества поэта, т. е. 1890-е гг., не случайно. Во-первых, в отечественной филологии Соловьев мыслится в качестве «завершителя классической ветви романтизма, представленной именами Жуковского, Тютчева и Фета» [Сапожков 2002]. Во-вторых, «тесная и плодотворная дружба Соловьева и Фета длилась около десятилетия» [Фатющенко, Цимбаев 1990: 636]. Причем Соловьев был одним из редакторов сборника «Вечерние огни», дарственная надпись первого выпуска которого гласит: «Зодчему этой книги» [Фет 1979: 636]. Важную роль в отношениях поэтов играл возрастной фактор, а именно принадлежность их к разным литературным поколениям. С одной стороны, Соловьев являлся современником и собеседником Фета, с другой, Фет принадлежал к поколению высших авторитетов-классиков, «чей роман-

тический пантеизм и пантеизм русских лириков середины 19 в. Соловьев ощущал как свою поэтическую родину» [Минц 1974: 53].

Мотивы ухода, смерти, памяти, одиночества характеризуют лирику В. С. Соловьева последних лет, не случайно исследователи истолковывают даже «невинные, чистые знаки неземной красоты», т. е. «белые колокольчики», как «символы предвестия личной смерти» [Минц 1974: 25]. К сожалению, ни один из семи текстов Соловьева, адресующих читателя к Фету, не становился предметом специального анализа, хотя очевидно, что каждый из них, а последние в особенности, способны проявить всю сложность включенности диалога Соловьева с Фетом в мифопоэтическую логику его исканий.

Рамку текста «Белых колокольчиков» составляют заглавие, эпитафия и дата написания стихотворения. Заглавие задает тему произведения, эпитафия содержит формулу переживания лирического субъекта. Первой строкой текста Соловьев объединяет заглавие и эпитафия, при этом лирический субъект стихотворения уже не просто оказался в ситуации, заданной эпитафией, но и как бы пережил ее («Сколько их расцвело недавно»). Этот эффект достигается использованием в первой строке личного местоимения «их» (тем самым обозначается объект речи), а также глагола в форме прошедшего времени — «расцвело» (в эпитафии — «цветет»). Принятие лирическим субъектом программы, заданной эпитафией, закреплено и выбором поэтического размера. Оба стихотворения написаны трехстопным анапестом, который в конце XIX в. являлся более частотным в употреблении по сравнению с другими трехсложными размерами: «анapestы начинают теснить остальные метры и трехстопники — остальные размеры. <...> Самым заметным из новоупотребительных размеров оказывался, таким образом, 3-ст. анапест» [Гаспаров 2002: 179]. Заглавием и эпитафией фиксируются две темы: события, происходящие в природе («белые колокольчики»), и то, что происходит внутри человека, в его «сердце». Соотнесенность тем реализуется через композицию стихотворения, которое состоит из двух частей: 1 часть — первая и вторая строфы, 2 часть — третья, четвертая, пятая строфы.

Текст создан через семь лет после смерти Фета. Внимание концентрируется на современности, актуальной для Соловьева, на том, что происходит после смерти Фета.

Воспоминания и описание ситуации в настоящем — два ключевых момента, характеризующих первую часть. Мотив утраты пронизывает обе строфы («сколько их расцвело недавно», «отцветает», «потемнел», «среди гробов»). Ко времени написания стихотворения поэты, символизировавшие целую эпоху в литературе (А. А. Фет, Н. А. Некрасов, Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой и др.), умирают. Указание на то, что Фет выделялся из этого ряда, создает выбор эпитафии. Сожаление, горечь утраты и осознание незаменимости акцентируются в пятой строке («Отцветает она, отцветает») находят выражение в строках, завершающих первую часть («И как будто весь мир увядает... / Среди гробов я стою одинок»), сопровождаются инверсией и отделением ее финальной строки многоточием. Лирический субъект позиционирует себя в отчужденности сразу ото всех: «Среди гробов я стою одинок». Он не относит себя ни к тем, кто ушел (хотя бы даже потому, что он жив), ни к тем, кто остался; однако предпочтение он отдает первым. В этой же (восьмой) строке субъект единственный раз в тексте обозначает себя как «я», прямо указывает на свое состояние «одинок».

На создание экспрессивности стихотворения работает не только синтаксический уровень текста, но и лексический. В первой строфе употребляются глаголы, связанные как бы с первичной реальностью. Все они стоят в форме прошедшего времени («расцвело», «качал», «берег»). Во второй строке стоит знак восклицания, мотивированный сравнением («Сколько их расцвело недавно, / Слово белое море в лесу!»). Картина прошлого, обрисованная в первой строфе, приобретает оттенок уныния, а также вводится мотив невозможности повернуть время вспять — во второй. Экспрессия первой части дополняется лексическим повтором слова «отцветает», которое в обоих случаях употребления находится в значимой позиции, а также многоточием в

конце седьмой строки. Предмет разговора, заявленный заглавием, четко не обозначен в тексте: «их» (1) — «белое море» (2) — «их» (3) — «молодая краса» (4) — «она» (5) — «белоснежный венок» (6). Этот ряд обрывается восьмой строкой, завершающей первую часть, но возобновляется уже во второй части: «мы» (9) — «белые думы» (9), «мы» (12) — «нас» (13) — «мы» (14) — «к нам» (15) — «мы — безоблачный юг» (16) — «наше сердце» (19). В ней же задается мотив странничества («Бродишь ты по дороге угрюмой»). По значимости событийного ряда выделяются в тексте первая, восьмая и девятая строки. Таким образом, важным событием в первой части становится осознание лирического субъекта как одинокого и неутешного, а во второй — взгляд на него со стороны («Сколько их расцвело недавно, // Средь гробов я стою одинок // Мы живем, твои белые думы»). Неожиданный поворот в смысловом построении текста происходит на стыке второй и третьей строф. Синтаксический и структурный сбой сопровождают смену субъекта речи. Теперь им становятся «белые думы», которые обозначаются косвенной речью в самом начале второй части (в отличие от первой, где позиционирование лирического субъекта происходит в конце части).

Вторая смысловая часть стихотворения объединяет третью, четвертую и пятую строфы. Структура этого отрезка организуется через противопоставление субъекта и объекта, выраженных как «мы» и «ты». Монолог здесь спровоцирован заявлением лирического субъекта первой части об одиночестве. Речь относится к самому субъекту, обозначается словами «белых дум», которые живут «у заветных тропинок» его «души». Но «мы» не просто противопоставляется «ты», а является духовным содержанием «ты». Именно поэтому в стихотворении Соловьева описание ведется не от «я» (как у Фета), а от «мы». Из этого следует, что лирический субъект Соловьева сживается с ролью субъекта у Фета, но переосмысливает лирическую ситуацию. Место пребывания «белых дум» — душа, которая характеризуется как светлая, чистая. Происходит разделение на миры: внешний и внутренний, реальный и ирреальный, их представителями являются «лирический субъект» и «белые думы» соответственно. Все, что было сказано в первой части, опровергается во второй: «расцвело недавно» (1 часть) — «мы живем» (2 часть), «ветер качал их так плавно и берег» (1) — «не ветер берег прихотливый» (2). Показательно и то, что все, относящееся к «белым думам», позитивно, окрашено в светлые тона («заветные тропинки», «сняем в тиши», «безоблачный юг», «наше сердце цветет и вздыхает»). Будущее обозначается автором лишь в 14 строке (4 строфа): «сберегли бы», но оно зависит лишь от объекта («приходи — и узнаешь о чем»).

Второе стихотворение, «Вновь белые колокольчики», было создано практически через год после написания «Белых колокольчиков», за несколько месяцев до смерти Соловьева. Название как бы возвращает читателя к первому тексту. Внешний рамочный текст состоит из двух компонентов: заглавия и даты. Формулу, выведенную в последних строках «Белых колокольчиков» («Наше сердце цветет и вздыхает... / Приходи — узнаешь о чем»), принимает на себя лирический субъект второго стихотворения («Здесь вы нездешние, / Верные сны»). Тематическое единство (природа, внутренний мир человека) подчиняет себе внешние и внутренние структуры стихотворений. Автор провоцирует воспринимающее сознание на сопоставление данных текстов. Поэтому и исследователю логично идти в направлении, задаваемом авторской волей. Оба текста состоят из 20-ти строк, поделенных на 5 строф (по 4 строки в каждой). Оппозиция наличествует в каждой в каждой строфе («они» — объект: «дни» (1 строфа), «призраки» (2), «зло» (3), «замыслы» (4) и опять же «дни» (5)). Противопоставление носит одинаковый характер как в первом, так и во втором произведении (положительное — отрицательное). «Они» («белые», «верные», «нездешние» и др.) и второй полюс оппозиции («грозные», «знойные», «тонет в крови» и др.). Стихотворения написаны одним размером — анапестом, но характер поэтического размера различен («Белые колокольчики» — 3 ст., «Вновь белые колокольчики» — 2 ст.). Распредмечивание слов, пунктирно намечавшееся в «Белых колокольчиках», теперь главенствует.

В тексте не употребляются слова, обозначающие конкретные предметы: «призраки», «сны», «зло тонет в крови», «замыслы» и др. Продолжение темы, заданной «Белыми колокольчиками», подчеркивается употреблением следующих слов: «вновь» (в заглавии), «те же» (1 и 5 строфы), «здесь вы» (2 строфа). Часто употребляемыми гласными в обоих произведениях оказываются <о>, <е>. Но у стихотворения «Вновь белые колокольчики» есть особенность, позволяющая предположить, что Соловьев не просто говорит на ту же тему, а по-новому осмысливает ее, исходя из «пережитого». Кольцевая структура стягивает текст таким образом, что в значимых позициях конца и начала текста оказываются строки: «грозные, знойные, летние» и «тяжкие, душные, грозные дни». Несмотря на то, что вроде бы «зло пережитое», «призраки сожжены», все же лирический субъект указывает, что дни «тяжкие» и «грозные». Характер метра таков, что практически каждое слово оказывается в значимой позиции (начала или конца текста, строфы, строки). Подводя итог, можно сказать, что Соловьев оригинально осмысливает и корректирует программу, предложенную А. А. Фетом. У Соловьева не просто «сердце цветет» (как у Фета), но и принадлежит не субъекту, а «белым думам души».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.
2. Сапожков С. В. Владимир Соловьев — поэт-философ // Литература в школе. 2002. № 5.
3. Фатющенко В. И., Цимбаев Н. И. Владимир Соловьев — критик и публицист // Соловьев В. С. Литературная критика. М., 1990.
4. Фет А. А. Вечерние огни. М., 1979.
5. Минц З. Г. Владимир Соловьев — поэт // Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.
6. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 2002.